

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

М. Ф. Румянцева

О культурной составляющей исторического знания¹

Аннотация: в статье анализируется культурная составляющая в структуре исторического знания, ее нарастание в процессе двух культурных поворотов – начала XX в., связанного с кризисом линейной модели историописания, и последних десятилетий XX в., связанного со становлением новой культурной истории. Показана разная роль экспликации культурного / коэксистенциального контекста в научно ориентированной и в социально ориентированной истории: если в научно ориентированной истории умение поместить исследуемый феномен в культурное пространство – непременная составляющая профессионализма, то современная социально ориентированная история не предполагает корректной экспликации культурных контекстов.

Ключевые слова: культурный поворот, новая культурная история, источниковедческая концепция методологии истории, коэксистенциальное пространство культуры, культурная составляющая исторического знания, социально ориентированная история, научно ориентированная история.

Принципиальная полидисциплинарность / наддисциплинарность актуального гуманитарного знания требует как нового уровня методологической рефлексии составляющих его дисциплин, так и экспликации оснований полидисциплинарности. Цель статьи – предложить свой вариант ответа на вопрос: как соотносятся два основания современного гуманитарного синтеза – история и культурология. И это ответ с точки зрения историка, точнее – историка-источниковеда. Но рискну с этой позиции вмешаться в споры о дисциплинарном статусе культурологии, что позволит мне решить практическую задачу – предложить гипотезу настоящего исследования. На мой взгляд, культурология изначально междисциплинарна и в этом своем качестве в середине XX в. призвана была ликвидировать / компенсировать дефицит междисциплинарности в историческом знании. Культурный поворот в историческом знании, по-видимому, можно корректно соотнести, во-первых, с кризисом линейных моделей историописания, и, во-вторых, с переходом от неклассической науки к постнеклассической, маркируя, таким образом, на-

чало и окончание процесса. Исходя из предложенной гипотезы, конкретизирую свои задачи: в данной работе я предлагаю свое видение культурного поворота (поворотов) в историческом познании, а точнее – выясняю, каково место культурной / коэксистенциальной² составляющей в историческом знании.

Считаю принципиально важным сразу отметить, что, на мой взгляд, важнейшей характеристикой актуального исторического знания является четкое выделение в нем двух составляющих – социально ориентированного историописания и научно ориентированного исторического познания³. Сознаю, что вопрос является дискуссионным, но, по-видимому, продуктивный спор может вестись об уточнении дефиниций, о степени разрыва / согласованности этих двух сфер, а также с позиций источниковедения историографии по проблеме видовых характеристик произведений, относящихся к этим двум областям знания об исто-

---

¹ Статья апробирована в качестве установочного доклада на Международной научной конференции «История – история культуры – историческая культурология – cultural history: новые водоразделы и перспективы взаимодействия», проходившей 5–7 апреля 2012 г. в Фестивальном центре Госфильмофонда (Белые Столбы) в рамках программы научных мероприятий, посвященных 80-летию Российского института культурологии.

² Поскольку понятие *коэксистенциальный* не является общепринятым в понятийном аппарате истории и культурологии, поясню, что его употребление обусловлено необходимостью точнее выявить суть культурного поворота в историческом познании как переноса внимания с истории как процесса, понимаемого как линейный и (с позиций идиографии) – сингулярный, на культурное коэксистенциальное (сосуществующее в культуре) пространство, предполагающее, в том числе, стуктуралистский и компаративный подходы к его изучению.

³ См.: Маловичко С. И. Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII Междунар. науч. конф. М., 2010.

рии. Наличие самого разделения (с точки зрения, например, базового принципа определения видовой принадлежности исторического источника — целеполагания его автора) мне представляется очевидным, поэтому в данной работе буду анализировать проблему культурной / коэксистенциальной составляющей применительно к этим двум сферам исторического знания.

Исследование имеет и специальную задачу — предложить вариант решения проблемы экспликации культурной составляющей исторического знания с позиции источниковедческой концепции методологии истории, восходящей в своих основах к русской версии неокантианства (А. И. Введенский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. М. Хвостов, И. И. Лапшин) и теоретически оформленной А. С. Лаппо-Данилевским⁴. С конца 1930-х гг. эту концепцию разрабатывает Научно-педагогическая школа источниковедения, которая с 1939 по 2011 г. институционально базировалась на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. — в составе РГГУ; с 1994 г. — кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин), а после ликвидации кафедры интегрирована на основе сайта Источниковедение.ru⁵. Продуктивность этой концепции при решении поставленной проблемы обусловлена во многом спецификой обращения к культурному контексту еще в русской версии неокантианства в конце XIX — начале XX в.

Начнем с рассмотрения проблемы с *научно ориентированной историей*. На рубеже XIX–XX вв. происходит кризис линейной / стадийной моделей историописания. Из его самоочевидных факторов отметим становление и развитие этнографии как науки, изучающей по необходимости коэксистенциальное пространство культуры, и начало процесса глобализации, заставившей задуматься о расширении «умопостигаемого поля истории» (терминология А. Тойнби⁶) за пределы национально-государственного историописания.

Уже О. Шпенглер в начале XX в. ставит проблему изучения культуры. В частности, подчеркивая новизну своей постановки вопроса и акцентируя необходимость изучения «морфологии мировой истории» (этот подзаголовок знаменитого

труда «Закат Европы» мало кто помнит), О. Шпенглер пишет: «Я еще не встречал никого, кто принимал бы всерьез изучение *морфологического сродства*, внутренне связующего язык форм *всех* культурных сфер, кто, не ограничиваясь областью политических фактов, обстоятельно изучил бы последние и глубочайшие математические идеи греков, арабов, индусов, западноевропейцев, смысл их раннего орнамента, их архитектурные, метафизические, драматические, лирические первоформы, полноту и направления их великих искусств, частности их художественной техники и выбора материала, не говоря уже об осознании решающего значения всех этих факторов для проблемы форм истории»⁷. Далее Шпенглер приводит ряд примеров взаимосвязи исторических феноменов в коэксистенциальном пространстве культуры, но при этом признает, что метод конструирования культурного целого еще не разработан.

Следующая реперная точка — антропологический поворот в историческом познании во 2-й половине 1920-х гг. и далее — структурирование научной истории по предметным полям: история ментальностей, история повседневности как феноменологии ментальности, гендерная история, новая биографика и т. д. Здесь междисциплинарное влияние социальной (культурной) антропологии уже вполне очевидно.

Новый культурный поворот — становление новой культурной истории в конце XX в. Л. П. Репина обращает внимание на то, что «новая культурная история формируется... в болевых точках новой социальной истории» и фактически означает «переориентацию социокультурной истории от социальной истории культуры к культурной истории социального», что предполагает «конструирование социального бытия посредством культурной практики...»⁸.

По мере обозначенных выше трансформаций исторического знания умение эксплицировать культурный контекст превращается в важнейшую составляющую профессионализма историка.

Дж. Тош, размышляя об отличии научного подхода к изучению истории от массового исторического сознания и «социально мотивированных взглядов на прошлое», выделяет принципы историзма как профессионального отношения к позна-

⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : [в 2 т.]. М., 2010.

⁵ Источниковедение.ru — [электронный ресурс] — Электрон. дан. — М., сор 2010–2012. — Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru>.

⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 21–40.

⁷ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1: Гештальт и действительность. С. 132–133.

⁸ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 250–251.

нию прошлого, среди которых системообразующее значение придает *контексту*, тесно связывая его с фундаментальным принципом *различия* и дополняя принципом понимания *истории как процесса*⁹.

Но еще в начале XX в. Г. Риккерт, в русле характерных для этой эпохи размышлений о соотношении донаучного мировосприятия и научного исследования, писал: «Донаучное индивидуализирование часто вырывает свои объекты из окружающей их среды... История... стремится, подобно генерализирующим наукам понять все в известной связи... Историческая связь всякого исторического объекта имеет, так сказать, два измерения, которые можно было бы назвать измерениями широты и долготы, т.е., во-первых, история должна установить отношения, связывающие объект с *окружающей его средой*, и, во-вторых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, последовательно проходимые объектом, или, иначе говоря, изучить его *развитие*»¹⁰.

На мой взгляд, необходимость экспликации контекста, перевода на наш понятийный язык — выявления не только процессуальной (собственно исторической), но и коэкзистенциальной (культурной) составляющей в историческом познании, выражена Г. Риккертом предельно точно. К тому же, в его интерпретации различаемые Дж. Тошем принципы контекста и развития сведены в единый принцип контекста, имеющего процессуальное и коэкзистенциальное измерения.

Обратимся теперь к роли культурного контекста в *социально ориентированной истории*. Начнем с банального: функции исторического знания на протяжении трех, как минимум, веков существования исторической науки менялись, трансформировались, наслаивались, но, по-видимому, все же можно выделить инвариантную функцию — обеспечение идентичности. Эту же функцию можно рассматривать как базовую, поскольку она удовлетворяет первичную социальную потребность индивидуума — потребность в самоидентификации¹¹.

В рамках классической рациональности эта проблема решалась через выстраиваемый исторической наукой метанарратив в рамках линейной модели историописания. Полученное таким обра-

зом знание понятным образом позиционировалась в общественном сознании, в первую очередь, через преподавание истории и через учебники. Неслучайно, профессиональные историки, авторы метанарративов национально-государственного уровня выступали и как авторы учебников по истории. П. Нора приводит применительно к истории Франции пример Э. Лависса, который был «одновременно автором школьного учебника, долгое время обладавшего практически полной монополией в школьном образовании, а именно — “Малого Лависса”, издаваемого миллионами экземпляров. И одновременно он был создателем гигантской “Истории Франции” в 27 томах, этого подлинного памятника критической и позитивистской истории»¹². В российской исторической науке можно привести пример Н. Г. Устрялова и еще более показательный пример Д. И. Иловайского — автора чрезвычайно популярного учебника по истории для гимназий «Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста», выдержавшего несколько десятков изданий, и автора 5-томной «Истории России».

В историческом познании, соответствующем рациональности неклассического типа, возникают проблемы с позиционированием научной истории в общественном сознании. Отметим здесь лишь два обстоятельства, на которые указывает П. Нора. Во-первых, начиная с конца XIX в. «вся история целиком вступает в свой историографический возраст»¹³. Это означает, как минимум, что историю уже невозможно позиционировать просто как «прошлую реальность», но только как нарратив, сконструированный историком. Во-вторых, П. Нора пишет: «Враждебность “Анналов” в отношении событийной, политической, военной, дипломатической, биографической истории в принципе не означала приговора национальной истории, но на деле подготавливала его, потому что национальная история всегда писалась только как линейный рассказ о причинно-следственных связях»¹⁴. Акцентируем внимание на том, что история не только таким образом исследовалась (писалась) историками, но и позиционировалась (писалась) линейно и с акцентом на причинно-следственных связях.

⁹ Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 15–21.

¹⁰ Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 147

¹¹ Здесь я ориентируюсь, в частности, на концепцию Э. Фромма: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2011.

¹² Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 7.

¹³ Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 23.

¹⁴ Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память. С. 9–10.

Проблема усугубляется со становлением постнеклассической рациональности. Знаковым для постнеклассической исторической науки, на мой взгляд, является, в частности, обращение к проблематике памяти. Этот собственно научный феномен параллелен целенаправленному формированию общей памяти социума в социально ориентированной истории. И здесь важно различать эту целенаправленно формируемую память от массового исторического сознания, с одной стороны, и от популяризации научного знания, с другой.

Вполне осознавая сомнительность доказательств с помощью примеров, все же обращаю внимание на два факта, имеющих, на мой взгляд, характер знаковых и позволяющих проиллюстрировать обозначенное выше различие. Государственный праздник современной России День народного единства 4 ноября явно имеет характер сконструированного «места памяти» — искусственной коммеморации. Он, в отличие, например, от Дня Победы¹⁵, вряд ли присутствует в массовом историческом сознании (в исторической / «генетической» памяти народа). Но и профессиональные историки не могут внятно объяснить эту дату, если, конечно, не привязывать ее к православному празднику Дню Казанской иконы Божией Матери, что для многоконфессиональной страны вряд ли корректно. Эту тенденцию фиксирует, на мой взгляд, создание Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России¹⁶. Если отнестись к этой институции с позиций актуального исторического знания (а не рассматривать ее с точки зрения классической рациональности, что было бы странно), то речь здесь может идти именно о целенаправленном формировании социальной памяти, что вполне соответствует потребностям социума в обретении утраченной в период постмодерна идентичности.

В этом контексте мне близка мысль П. Хаттона, высказанная в начале 1990-х гг.: «Современное историческое мышление отражает ценности современной культуры, которая демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым. Хотя мы знаем больше о прошлом, чем наши предки, его власть

¹⁵ Заметьте, название праздника *День Победы* не требует (пока еще не требует) дополнительных пояснений.

¹⁶ Указ № 549 в числе прочих признан утратившим силу Указом Президента Российской Федерации от 14 февраля 2012 г. № 183.

над нами не столь тяжела, а его привлекательностью гораздо легче манипулировать. В настоящее время нам приходится говорить скорее о полезности прошлого, чем о его влиянии на нас... [выделено мной — М. Р.]»¹⁷

Попробуем теперь соотнести значение экспликации культурного контекста — осмысления культурного целого в двух плоскостях: (1) *социально ориентированной и научно ориентированной истории* (2) в ситуациях *постмодерна и постпостмодерна*.

Ситуация постмодерна — последняя треть XX в. Одна из ее значимых характеристик — кризис доверия к историческому метарассказу¹⁸. Соответственно, знак постмодерна в исторической науке — микроистория, точнее тот ее тип, который презентует себя как история в казусах¹⁹ / история «в мелкий горошек»²⁰. Рискнем предположить, что в этот период (по крайней мере, применительно к микроистории) механизмы действия социально ориентированной и научно ориентированной истории сближаются: и там, и там — принцип коллажа, подразумевающий индивидуальную экспликацию культурных контекстов во всем их разнообразии и множественности. Но это же и ситуация глубочайшего кризиса идентичности, выход из которого каждый должен был искать сам — преимущественно через выстраивание своего индивидуального культурного контекста, свободно самоопределяясь во всем пространстве культуры.

В начале XXI в. ситуация меняется — намечается выход из кризиса идентичности, по крайней мере, становится отчетливо заметной тенденция к интеграции социума. Признак новой ситуации в исторической науке — спад интереса (если не сказать — моды) к микроистории. Каким же образом трансформируется историческое знание, как меняется соотношение в нем социально ориентированной и научно ориентированной составляющих?

Мне уже приходилось об этом писать, но считаю необходимым акцентировать внимание на этом вопросе в связи с рассмотрением данной проблемы. Ольга Михайловна Медушевская (1922–2007), осуществившая концептуальное оформление Научно-педагогической школы источниковедения в начале XXI в., писала в работе 2008 г.: «Профессиональное

¹⁷ Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 24.

¹⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998. С. 10.

¹⁹ В 1995 г. был основан альманах: Казус. Индивидуальное и уникальное в истории.

²⁰ См., напр.: История России в мелкий горошек / Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. М.: ЗАО «Мануфактура», ООО «Издательство "Единство"», 1998. 256 с.

сообщество историков находится в ситуации смены парадигм. Мы говорим не о парадигме лишь в узком науковедческом смысле — как разделяемой сообществом господствующей дисциплинарной концепции..., но прежде всего — о парадигме в более широком философском смысле... По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них... опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания... Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания...»²¹.

В целом разделяя позицию О. М. Медушевской, я не согласна с этим построением по двум линиям. Во-первых, на мой взгляд, речь должна идти не о *противоборстве взаимоисключающих*, а о *параллельном сосуществовании независимых друг от друга* (в пределе) типов знания с разделением сфер действия — и именно на социально ориентированную и научно ориентированную. Тем более, что и сама Медушевская пишет, что первая парадигма «неотделима от массового повседневного исторического сознания»²². И далее: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире»²³. Но главное, во-вторых, — речь уже не идет об идиографичности исторического нарратива в духе Баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Этот нарратив пришел к кризису в ситуации постмодерна, что и было зафиксировано Ф. Лиотаром, и «восстановить» его невозможно. Принципиальное отличие нарратива, построенного по логике идиографии, от современного социально ориентированного исторического знания в том, что первый стоил на ценностях, являющихся предметом философской аксиологии, а второй — на оценках, которые, хотя и культурно обусловлены (что можно уловить при подходе с позиции новой культурной истории), но гораздо более произвольны, чем ценности. На необходимость отделять одно от другого указывал

еще Г. Риккерт: «Мы встречаемся... с одним из самых распространенных и вместе с тем запутанных предрассудков в философии. Смешение ценности и оценки встречается даже там, где проблема ценности признается не подлежащей ведению психологии...». И далее: «... ценности для нас связаны всегда с оценками, но они именно *связаны* с ними, а потому-то их и нельзя отождествлять с действительными реальными оценками. Как таковая, ценность относится к совершенно иной сфере понятий, чем действительная оценка...»²⁴

Итак, «места памяти», обслуживающие исторические потребности массового сознания, строятся на оценках, что не требует (и это в данном случае принципиально важно) экспликации культурного контекста. Культурный контекст в данном случае даже противопоказан. Здесь, по-видимому, вполне корректно вспомнить размышления Ф. Ницше, высказанные в эссе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874). Ницше, выделив в качестве одного из типов историописания монументальную историю, пишет: «Монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий...»²⁵. Автор конкретизирует этот механизм: монументальная история «всегда будет смягчать различия мотивов и побуждений, чтобы за счет *causae* представить *effectus* в монументальном виде...»; и еще: «...чтобы на основании этого примера получить сейчас же некоторые новые выводы — насколько расплывчато и неустойчиво, насколько неточно было бы такое уподобление, сколь многое приходится игнорировать...»²⁶. Фактически речь идет о вырывании «монументального» факта из культурного контекста.

Выше уже отмечалось, что экспликация культурного контекста — неотъемлемая составляющая профессионализма в научно ориентированной истории. Но одновременно ясно, что это сложная методологическая задача, хотя бы в силу того, что «действительность, которая является исходным пунктом всякой эмпирической науки, представляет из себя, как в целом, так и в каждой своей части, совершенно необозримое многообразие, не поддающееся никакому изображению»²⁷.

²¹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. — М.: РГГУ, 2008. С. 15–16.

²² Там же. С. 15.

²³ Там же. С. 16.

²⁴ Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. М., 1998. С. 23; См. также: Он же. О системе ценностей // Там же. С. 363–391.

²⁵ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 172.

²⁶ Там же. С. 171.

²⁷ Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 139.

В заключение, как и было обещано при постановке задач работы, предложу вариант решения этой проблемы в источниковедческой концепции методологии истории, восходящей в своих основах к русской версии неокантианства и разрабатываемой Научно-педагогической школой источниковедения²⁸. Главное заключается в принципиальной специфике русского неокантианства, обратившегося уже в лице своего основоположника философа А. И. Введенского к проблеме *объекта исторического познания*²⁹, в то время как Баденские неокантианцы сосредоточились на анализе логики историописания, принципиально отказавшись размышлять об объекте исторического познания. Общая идея Введенского была развита А. С. Лаппо-Данилевским в целостное учение об исторических источниках. И хотя Лаппо-Данилевский рассматривал исторический источник («реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»³⁰) как единичный объект, он затрагивает проблему экспликации культурного контекста, обращаясь к проблеме интерпретации исторического источника. Историк выделяет четыре метода интерпретации: психологический, технический, типизирующий и индивидуализирующий. Экспликация культурной составляющей производится при типизирующей

интерпретации: «Понятие о той культуре, к которой источник относится, получает... различные значения, смотря по тому, представлять ли ее себе в виде некоей системы ее элементов или в виде некоей стадии ее эволюции, т. е. принимать ли во внимание “состояние культуры” или “период культуры” для истолкования источника; значит, можно различать и два вида типизирующей интерпретации источника: систематическую и эволюционную»³¹.

Развитие этого направления Научно-педагогической школой источниковедения позволило предложить метод изучения культуры, основанный на понимании того, что основная классификационная единица источниковедения – вид исторических источников – презентует свойственные данной культуре формы человеческой деятельности; соответственно, система видов исторических источников презентует систему культуры, а также может служить основанием для компаративного исследования культур. Этот подход реализован в разработке видовой специфики исторических источников в 1940–1990-х гг.³² Последние достижения в концептуализации этого направления связаны с именем О. М. Медушевской, которая обосновала понятие *эмпирическая реальность исторического мифа*, когерентное широкому пониманию культуры и служащее основанием ее строго научного исследования³³.

²⁸ Ограничусь здесь кратким изложением самой идеи, поскольку эта проблема была подробно рассмотрена нами ранее. См., например: Румянцева М.Ф. Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства // *Cogito* : альм. истории идей. Ростов н/Д, 2007. Вып. 2. С. 35–54; Она же. Современное источниковедение: поиск универсальных оснований научного знания // *Проблемы исторического познания* : сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 70–82.

²⁹ Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. – СПб., 1892.

³⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : [в 2 т.]. М., 2012. Т. 2. С. 38.

³¹ Там же. С. 112.

³² Концептуальный результат этой работы представлен: *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории* : учеб. пособ. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. (Повтор. изд. 2000, 2004); Румянцева М. Ф. *Теория истории* : учеб. пособие. М., 2002.

³³ Медушевская О. М. *Эмпирическая реальность исторического мира* // *Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф.* М., 2008. С. 24–34; Медушевская О. М. *Теория и методология когнитивной истории.* М., 2008.

Список литературы:

1. Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1892. – 120 с.
2. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : [в 2 т.]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна : пер. с фр. – М.: Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Издательство «Алетейя», 1998. – 159 с.
4. Маловичко С. И. Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин* : материалы XXII Междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г. – М. : РГГУ, 2010. – С. 21–28.
5. Медушевская О. М. *Теория и методология когнитивной истории.* – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.

6. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г. : в 2 ч. М.: РГГУ, 2008. – С. 24–34.
7. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Издательство «Мысль», 1990. Т. 1. С. 158–230.
8. Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Реюмеж, М. Винок. – СПб., 1999. – С. 17–50.
9. Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Реюмеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 5–14.
10. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Издательство ЛКИ, 2009. – 320 с.
11. Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. – М. : Республика, 1998. – С. 13–42.
12. Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. – М. : Республика, 1998. – С. 363–391.
13. Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. – М. : Республика, 1998. – С. 129–204.
14. Тойнби А. Дж. Постижение истории : пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 731 с.
15. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка : пер. с англ. – М. : Издательство «Весь мир», 2000. – 296 с.
16. Фромм Э. Бегство от свободы : пер. с англ. – М. : АСТ: Астрель, 2011. – 284 с.
17. Хаттон П. Х. История как искусство памяти : пер. с англ. – СПб. : «Владимир Даль», 2003. – 423 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории : пер. с нем. – М. : «Мысль», 1993. – Т. 1: Гештальт и действительность. – 667 с.

Bibliography:

1. Vvedenskiy A. I. O predelakh i priznakakh odushevleniya: Novyy psikhofiziologicheskiy zakon v svyazi s voprosom o vozmozhnosti metafiziki. – SPb. : Tip. V. S. Balasheva, 1892. – 120 s.
2. Lappo-Danilevskiy A. S. Metodologiya istorii : [v 2 t.]. М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010.
3. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna : per. s fr. – М. : Institut eksperimental'noy sotsiologii ; SPb. : Izdatel'stvo «Aleteyya», 1998. – 159 s.
4. Malovichko S. I. Istoriopisanie: nauchno orientirovannoe vs sotsial'no orientirovannoe // Istoriografiya istochnikovedeniya i vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin : materialy XXII Mezhhdunar. nauch. konf. Moskva, 28–30 yanv. 2010 g. – М. : RGGU, 2010. – S. 21–28.
5. Medushevskaya O. M. Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii. – М. : RGGU, 2008. – 358 s.
6. Medushevskaya O.M. Empiricheskaya real'nost' istoricheskogo mira // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny – istochnikovedenie – metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya: materialy XX mezhhdunar. nauch. konf. Moskva, 31 yanv. – 2 fevr. 2008 g. : v 2 ch. М.: RGGU, 2008. – S. 24–34.
7. Nitshe F. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni // Nitshe F. Sochineniya : v 2 t. М. : Izdatel'stvo «Mysl'», 1990. Т. 1. S. 158–230.
8. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriey: Problematika mest pamyati // Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Reyumezh, M. Vinok. – SPb., 1999. – S. 17–50.
9. Nora P. Predislovie k russkomu izdaniyu // Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyumezh, M. Vinok. SPb., 1999. S. 5–14.
10. Repina L. P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – М. : Izdatel'stvo LKI, 2009. – 320 s.
11. Rikkert G. O ponyatii filosofii // Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture : per. s nem. – М. : Respublika, 1998. – S. 13–42.
12. Rikkert G. O sisteme tsennostey // Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture : per. s nem. – М. : Respublika, 1998. – S. 363–391.
13. Rikkert G. Filosofiya istorii // Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture : per. s nem. – М. : Respublika, 1998. – S. 129–204.
14. Toynbi A. Dzh. Postizhenie istorii : per. s angl. – М. : Progress, 1991. – 731 s.
15. Tosh Dzh. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika : per. s angl. – М. : Izdatel'stvo «Ves' mir», 2000. – 296 s.
16. Fromm E. Begstvo ot svobody : per. s angl. – М. : AST : Astrel', 2011. – 284 s.
17. Khatton P. Kh. Istoriya kak iskusstvo pamyati : per. s angl. – SPb. : «Vladimir Dal'», 2003. – 423 s.
18. Shpengler O. Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii : per. s nem. – М. : «Mysl'», 1993. – Т. 1: Geshtal't i deystvitel'nost'. – 667 s.